Холостой Ход

Криптозоолог

Холостой ход

«Автор»
2026

Криптозоолог

Холостой ход / Криптозоолог — «Автор», 2026

«Год прошёл, а вспомнить нечего» - знакомая фраза? Андрей — инженер-электрик в тихом городке у озера. У него работа на подстанции, пиво с другом по пятницам и вечера у телевизора. Однажды друг роняет: «Год прошёл, а вспомнить нечего». Андрей пытается вспомнить последние двадцать лет и не может.

© Криптозоолог, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Холостой ход 6
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Криптозоолог
Холостой ход

Часть первая. Холостой ход

Глава 1. Режим ожидания

Будильник звонил в шесть сорок, но Андрей просыпался в шесть тридцать пять и пять минут лежал, глядя в потолок. Не потому, что хотелось полежать. Просто будильник был порядком, а порядок нарушать не стоило.

В шесть сорок он выключал его, не дав прозвенеть второй раз, и шёл на кухню.

Из кухонного окна было видно озеро. Двадцать лет назад, когда Андрей въезжал в эту квартиру, риелтор, полная женщина с золотым зубом, так и сказала: «Зато вид». И постучала ногтем по стеклу, как будто озеро входило в стоимость. Андрей тогда кивнул. Вид и правда был: синяя вода до самого горизонта, слева тёмная полоса мыса, справа трубы механического завода. Летом над водой летали чайки, зимой ребятня каталась на коньках.

Сейчас был октябрь, и озеро лежало плоское, свинцовое, без единой морщины. Андрей поставил чайник, достал из шкафа ту же кружку, что вчера, — синюю, с отбитой ручкой, — насыпал ложку растворимого кофе и стал ждать, пока закипит.

Он вообще много ждал. Чайника, автобуса, обеда, конца смены, пятницы, отпуска. Ждать он умел хорошо, не нервничая и не глядя на часы. Ожидание было для него не промежутком между делами, а чем-то вроде естественного состояния, как для воды — быть ровной, если её не трогать.

Чайник щёлкнул. Андрей залил кофе, сел у окна и выпил его, не чувствуя вкуса. Вкус был не нужен. Кофе нужен был, чтобы проснуться.

В ванной, пока он брился, взгляд зацепился за руки. Подушечки пальцев на левой были твёрдые, желтоватые, с поперечными бороздками, как будто он долго прижимал ими что-то тонкое и тугое. Андрей потёр большим пальцем по указательному — шершаво, почти как наждак.

«От отвёртки, наверное», — подумал он и тут же забыл об этом. Мало ли что бывает с руками у электрика.

До завода было двадцать минут пешком вдоль набережной. Андрей ходил пешком не из любви к прогулкам, просто он всё чаще оставлял машину на рабочей стоянке, когда понимал что стоять в пробках по дороге домой предстояло неприлично долго.

Набережная в этот час была пустой. Только старик Семёныч сидел, как всегда, на своём ящике у лодочной станции, курил и смотрел на воду. Андрей кивнул ему. Семёныч кивнул в ответ. За двадцать лет они ни разу не заговорили, но кивали друг другу каждое утро, и в этом была какая-то надёжность.

На проходной Андрей приложил пропуск к турникету. Турникет пискнул и мигнул зелёным. Вахтёрша Галина Петровна подняла глаза от кроссворда:

— Андрей Палыч, утро доброе. Слово из шести букв, «состояние готовности»?

— Резерв, — сказал Андрей, не задумываясь.

Она посчитала клеточки, шевеля губами.

— Подходит! Ну вы голова.

Он пожал плечами и пошёл дальше.

Заводская подстанция стояла в дальнем углу территории, за складами, — кирпичная коробка с решётками на окнах и открытым распределительным устройством во дворе. Сто десять на десять киловольт, два трансформатора, два десятка ячеек, релейная защита, которую Андрей знал наизусть, как молитву, хотя молитв не знал ни одной.

В дежурке уже сидел Костя, электромонтёр ночной смены, и дописывал журнал.

— Здорово, — сказал он, не поднимая головы. — Без происшествий. Второй фидер опять подмигивал около трёх, но сам успокоился.

— Посмотрю, — сказал Андрей.

Костя расписался, захлопнул журнал и потянулся так, что хрустнуло в спине. Он был на два года моложе Андрея, широкий, рыжеватый, с вечно обветренным лицом. Работали они вместе семнадцать лет, и за эти семнадцать лет их разговоры давно сложились в небольшой, хорошо отлаженный набор: погода, начальство, цены, рыбалка, футбол. Иногда — бабы, но это реже, с возрастом всё реже.

— В пятницу как обычно? — спросил Костя, уже в куртке.

— Как обычно.

— Давай. Холодина сегодня будет, говорят. И ещё этот, главный наш, опять с проверкой собирается, чтоб его.

— Чтоб его, — согласился Андрей.

Костя ушёл. Андрей сел за стол, открыл журнал, прочитал записи ночной смены и пошёл на обход.

Обход он любил. Если Андрей вообще что-то любил, то, наверное, это.

В закрытом распредустройстве пахло пылью, нагретой изоляцией и чуть-чуть озоном. Андрей шёл вдоль ячеек, смотрел на указатели, на сигнальные лампы, трогал ладонью дверцы — тёплые, но не горячие. Всё было как всегда. Второй фидер действительно «подмигивал»: в журнале событий терминала нашлись два кратковременных пуска защиты в 02:47 и 02:51. Скорее всего, ветка на линии где-нибудь у дачного кооператива. Он записал, чтобы передать линейщикам.

Потом вышел во двор, к трансформаторам.

Первый работал под нагрузкой — он питал весь завод, и его гул был плотным, рабочим, с лёгкой вибрацией, которая отдавалась в бетоне под ногами. Второй стоял в резерве: включённый в сеть, под полным напряжением, но с отключённой нагрузкой. На всякий случай. Если с первым что-то случится, второй подхватит за доли секунды.

Андрей остановился возле второго и постоял.

Он часто так делал, сам не зная зачем. Резервный трансформатор гудел ровнее, тоньше, без рабочей тяжести, — один на одной ноте. Ток холостого хода, крошечный, процента два от номинала. Потери холостого хода — нагрев стали, перемагничивание сердечника туда-обратно пятьдесят раз в секунду. Трансформатор жрал энергию, грелся, гудел — и ничего не отдавал. Ни одного киловатта полезной работы. Просто был готов.

В институте на экзамене Андрею попался именно этот билет: «Опыт холостого хода». Он тогда ответил на пятёрку. Преподаватель, сухой старик с трясущимися руками, сказал ему в конце: «А знаете, молодой человек, что самое печальное в трансформаторе? Он не может сам решить, когда ему работать». Андрей тогда не понял, при чём тут печаль. Трансформатор — это железо и медь.

Он и сейчас не понимал. Но почему-то помнил.

Гул был ровный, как дыхание спящего. Андрей постоял ещё немного, потом повернулся и пошёл обратно в дежурку.

День прошёл так же, как проходили все дни. Андрей проверил отчёты, позвонил линейщикам насчёт второго фидера, сходил в столовую на обед — суп гороховый, котлета с пюре, компот. Посидел за столом с ребятами из механического цеха, послушал, как они ругают новые нормы выработки. Сам сказал пару фраз про начальство — не потому, что было что сказать, а потому, что за столом так полагалось.

После обеда он сел за компьютер, чтобы заполнить график ремонтов на ноябрь, и, пока таблица загружалась, машинально открыл на телефоне галерею — найти фотографию паспортной таблички выключателя, которую сделал на прошлой неделе.

Табличку он нашёл. А пролистав чуть выше, наткнулся на другое.

Рассвет. Снимок сделан откуда-то сверху, с камней: озеро внизу, розовое, почти белое у горизонта, и тонкая золотая линия там, где вода переходит в небо. Слева в кадр попал край мыса — тот самый, что виден из его окна, только с другой стороны. Фотография была красивая, правда красивая, такую в календарь можно.

Дата внизу: 14 мая, 05:12.

Андрей посмотрел на неё долго. В мае он на мысу не был. Он вообще не был на мысу лет десять — туда идти часа полтора по камням, а зачем. И в пять утра он спит. Всегда спит.

Он пролистал дальше. Рядом было ещё штук тридцать снимков того же рассвета — почти одинаковых, с разницей в минуту или две. Солнце поднималось, вода менялась от розовой к серебряной. Последний был сделан в 05:58.

«Ерунда какая-то, — подумал Андрей. — Синхронизация, что ли. С чужого аккаунта подтянулось».

Он не очень понимал, как работает эта синхронизация, и это объяснение его устроило. Таблица на компьютере загрузилась. Он убрал телефон и занялся графиком.

Домой Андрей поехал на машине, которую оставил на рабочей стоянке ещё позавчера: вечером обещали дождь, а утром он, как ни странно, забыл зонт в машине на стоянке у завода — хотя не помнил, когда в последний раз на ней ездил.

Машина у него была старая «Нива», ещё отцовская. Он садился в неё нечасто: в магазин за крупными покупками, раз в год на кладбище к родителям, иногда к Косте на дачу. Километров пятьсот за год, не больше.

Он завёл двигатель и, пока тот прогревался, глянул на одометр. Сто сорок одна тысяча двести.

Андрей нахмурился. Он помнил — помнил точно, потому что записывал при замене масла в прошлом октябре, — что было сто двадцать восемь. Он даже помнил, как написал это на картонке и сунул в бардачок.

Он открыл бардачок. Картонка была там. На ней его почерком: «Масло — 128 300. Окт.».

Тринадцать тысяч километров за год. На «Ниве», на которой он ездит в магазин.

Андрей посидел, глядя на цифры. Потом подумал, что спидометр у старых «Нив» — штука ненадёжная, тросик может гнать, может врать. Надо будет показать Серёге в гараже. И это объяснение его тоже устроило.

Двигатель прогрелся. Он поехал домой.

Вечер был таким же, как все вечера.

Андрей разогрел пельмени, поел их перед телевизором, вымыл тарелку, вернулся на диван. Взял пульт.

По первому шли новости — что-то где-то горело, кто-то с кем-то встречался. По второму — сериал про следователя, который он, кажется, уже видел, а может, это был другой, похожий. Дальше — ток-шоу, где люди кричали друг на друга. Передача про ремонт. Футбол, но не тот, второй дивизион, неинтересно. Фильм про войну, который он смотрел раз пять. Снова новости.

Он щёлкал каналы по кругу, не останавливаясь ни на одном больше чем на минуту. Не потому, что искал что-то конкретное. Просто пальцу нужно было что-то делать.

Когда-то телевизор ему нравился. Он это помнил — не само удовольствие, а то, что оно было. Как помнишь, что в детстве любил какую-то конфету, но уже не помнишь вкуса. Теперь телевизор был просто светом и звуком в комнате, чтобы комната не была пустой.

Можно было бы, наверное, заняться чем-то ещё. Почитать. Сходить куда-нибудь. Позвонить дочери — они не разговаривали с августа. Андрей перебрал в голове эти варианты так

же, как перебирал каналы, и ни на одном не остановился. Не было ничего, что бы тянуло. Не было желания, которое можно было бы взять за хвост и пойти за ним.

И при этом было что-то другое. Он не смог бы объяснить это словами, даже если бы кто-то спросил. Ощущение, будто он не живёт, а сидит в зале ожидания на вокзале, где не повесили расписание. Поезд будет — это он знал откуда-то точно, в самом теле знал. Но когда и куда, неизвестно. И поэтому нет смысла начинать что-то своё: распаковывать чемодан, знакомиться с соседями, заказывать горячее. Всё равно скоро объявят.

Он ждал. Всю жизнь, сколько себя помнил, — а помнил он, если честно, не так уж много, — он чего-то ждал.

Чего?

Андрей задал себе этот вопрос, кажется, впервые. И сразу почувствовал что-то странное: как будто вопрос упёрся в стену. Не в пустоту, где просто нет ответа, а именно в стену — гладкую, холодную, за которой что-то есть, но куда его не пускают. Мысль ткнулась туда и отскочила, как муха от стекла.

А потом, через секунду, он уже не помнил, о чём думал. По телевизору началась реклама пива. Андрей вспомнил, что завтра среда, послезавтра четверг, а потом пятница, и они с Костей пойдут в пивнарь, как обычно.

Это его успокоило.

Он досмотрел какой-то фильм, не запомнив названия, и уснул на диване около полуночи, с пультом в руке, под ровный гул холодильника из кухни.

Утром Андрей проснулся в шесть тридцать пять. Полежал пять минут, глядя в потолок. Выключил будильник.

Пульт лежал на подоконнике в кухне, рядом с синей кружкой.

Кружка была вымыта, хотя мыть её с вечера было не в его привычках. А на дне, в капле воды, плавала тонкая, почти прозрачная чешуйка — такая бывает у рыбы.

Андрей посмотрел на неё, вылил воду в раковину и поставил чайник.

Интерлюдия I. Сиг

В три часа одиннадцать минут глаза Андрея открылись.

Не он их открыл — они открылись. Так открывается дверь, когда кто-то входит с той стороны.

Телевизор уже не работал, по экрану ползла синяя надпись «Нет сигнала». В комнате было темно и тихо, только холодильник на кухне гудел своё. И в этой тишине, ясная и цельная, как камень, лежала одна мысль. Даже не мысль — решение, уже принятое, без всяких «может быть» и «потом»:

Копчёный сиг. Сейчас.

Тело встало с дивана легко, без обычного кряхтения. Пульт выпал из пальцев, но рука поймала его на лету — Андрей так никогда не умел. Рука подержала пульт, словно разглядывая, потом тело прошло на кухню и остановилось у окна.

Озеро было чёрное. Над ним стояли звёзды, крупные, октябрьские, и одна, низкая, отражалась в воде дрожащей дорожкой. Тело смотрело на неё долго, не шевелясь. Потом положило пульт на подоконник — бережно, как кладут вещь, которая ещё понадобится, — и пошло одеваться.

На улице было холодно, градуса два, не больше. Холод был везде: на щеках, в ноздрях, в пальцах, которые пришлось сунуть в карманы. Но это был не тот холод, который Андрей знал по утренним дорогам на завод, — привычный, досадный, от которого хочется поскорей в тепло. Этот холод был *интересный*. Каждый вдох обжигал горло, и тело дышало глубже, нарочно, чтобы обожгло ещё раз.

Пахло водой, мокрым камнем, гнилыми листьями. И откуда-то с набережной — дымом. Ольховым, сладковатым.

Тело пошло на запах.

У лодочной станции, за перевёрнутыми лодками, светилось красное. Это была коптильня Семёныча — железная бочка на кирпичах, с трубой, обмотанной проволокой. Семёныч коптил по ночам, чтобы к утру продать рыбакам. Он сидел рядом на ящике, в ватнике и шапке, и курил.

Увидев Андрея, он не удивился.

— А, — сказал он. — Опять ты, полуночник. Не спится?

Тело улыбнулось. Это была широкая, открытая улыбка, от которой у Андрея к утру ныли бы скулы, если бы он о ней знал.

— Не спится, — сказал рот Андрея его голосом, но как-то иначе, медленнее, будто пробуя каждое слово на зуб.

— Сига, небось?

— Сига.

Семёныч крякнул, поднялся, открыл бочку. Оттуда вывалилось облако дыма, белое в свете фонаря, и запах стал таким густым, что тело на секунду закрыло глаза. Семёныч подцепил проволочным крюком золотистую рыбину, положил на газету, завернул.

— Горячий, смотри.

Тело взяло свёрток обеими руками и прижало к груди. Горячий. Через газету жгло ладони. Тело не отдёрнуло рук.

Оно ело, сидя на перевёрнутой лодке, медленно, руками.

Сначала кожица — тонкая, золотистая, она отходила от мяса с тихим влажным звуком. Тело долго держало её во рту, не жуя. Потом мясо: белое, слоистое, оно распадалось на волокна, и каждое волокно было солёным, и дымным, и жирным, и чуть сладким, и ещё каким-то, для чего у Андрея не было слова, а у того, кто сейчас смотрел его глазами, слов не было вовсе.

Вот оно. Вот что они называют солёным.

Там, откуда он пришёл, вкуса не было. Было знание о вкусе — точное, исчерпывающее, разложенное на молекулы и реакции рецепторов. Он знал про сига всё. Химический состав, температуру копчения, почему ольха, а не берёза. Он изучал это так, как изучают карту страны, в которой никогда не был.

А теперь он был здесь.

Соль. Жир на пальцах. Мелкая кость, уколовшая нёбо, — и даже это было прекрасно, даже эта крохотная боль. Холод снаружи и горячая рыба внутри, и дым, и звёзды над чёрной водой, и старик на ящике, который смотрел на него с непонятной добротой.

Глаза Андрея стали мокрыми. Тело не вытирало их.

— Ешь, как в первый раз, — сказал Семёныч и выпустил дым. — Каждый раз как в первый.

Тот, кто смотрел глазами Андрея, хотел ответить: «Это и есть первый раз». Но не ответил. Он облизал пальцы, один за другим, медленно, потом собрал языком с ладони последнюю чешуйку.

Потом тело ещё долго сидело и смотрело на воду, пока звезда над озером не побледнела.

Дома тело налило в синюю кружку воды из-под крана и выпило её стоя, у окна. Вода тоже была вкусной. Тело вымыло кружку, поставило на подоконник рядом с пультом и постояло ещё немного, глядя, как светлеет над мысом.

А потом выход.

Это похоже на то, как заканчивается фильм и в зале включают свет. Только что был другой мир, огромный и яркий, и вдруг — стены, кресла, пустые стаканчики под ногами. Краски не гаснут, они просто перестают что-то значить. Озеро за окном осталось тем же, но стало просто водой. Звезда — просто точкой.

Тело Андрея постояло у окна ещё минуту, ничего не понимая и ничего не пытаясь понять. Потом вернулось в комнату, легло на диван, натянуло на себя плед и закрыло глаза.

Всё, что было этой ночью, — соль, дым, кость в нёбе, мокрые глаза, звезда, — ушло вместе с тем, кто это чувствовал. Ушло целиком, как уносят с собой чемодан.

Андрею остался только протокол. Как чек без сумм: дата есть, а что покупали и почём — уже не прочесть. Позднее не осталось и его.

В четверг в заводской столовой давали рыбный суп из консервов. Андрей съел его, не замечая вкуса, отодвинул тарелку и вдруг сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

— Странное чувство, как отголосок из прошлого.. будто что-то хочется.

Сосед по столу, слесарь Витька, поднял голову:

— Чего?

Андрей посмотрел на него. Потом на тарелку. Внутри было что-то — тонкое, прозрачное, как та чешуйка на дне кружки. Не воспоминание даже, а место, где оно могло бы быть. И грусть, непонятно о чём.

— Да так, — сказал он. — Ничего.

Со временем и это чувство растворилось в серых буднях, словно его и не было никогда.

Глава 2. Пиво с Костей

Пивнарь «Причал» стоял на набережной, в бывшем лодочном сарае, который лет пятнадцать назад обшили вагонкой, повесили над дверью якорь и решили, что так и надо. Внутри было шесть столов, стойка, телевизор под потолком и запах — пиво, жареная мойва, мокрые куртки. Летом сюда заходили приезжие, зимой — только свои.

Андрей с Костей сидели за третьим столом, у окна. Всегда за третьим. Если его занимали, они не садились за другой, а стояли у стойки и ждали, пока освободится. Ни разу об этом не договаривались. Просто так сложилось.

Бармен Лёша, не спрашивая, поставил перед ними две кружки светлого и тарелку мойвы.

— Ну, — сказал Костя.

— Ну, — сказал Андрей.

Они отпили. Костя вытер пену с рыжих усов тыльной стороной ладони.

Костя был большой — не толстый, а именно большой, как бывают большими старые шкафы: широкий в плечах, тяжёлый, основательный. Рыжина у него с годами повыгорела и отступила со лба, зато осталась в усах и в веснушках, которые густо сидели на скулах и на тыльных сторонах ладоней. Ладони были отдельная история: широкие, в мелких белых точках старых ожогов от сварки, с толстыми пальцами, которыми он, однако, ловко вязал на рыбалке самые мелкие узлы. Глаза светлые, почти прозрачные, и всегда немного прищуренные — будто он смотрит на солнце или на воду. Одевался он одинаково и зимой, и летом: клетчатая фланелевая рубашка с закатанными до локтя рукавами, поверх — рабочая куртка нараспашку. Холода он, кажется, не чувствовал вовсе.

Характер у Кости был под стать: громкий, простой и тёплый, как печка. Он легко смеялся, легко заводился и так же легко отходил — мог наорать на линейщиков по рации, а через десять минут угощать их чаем из своего термоса. Руки у него были золотые: он чинил всё, от релейного блока до соседской стиральной машины, и терпеть не мог, когда что-то просто так стоит без дела. Жену свою, Наташку, называл «моя командирша» и побаивался всерьёз. Сыном, который служил где-то под Читой, гордился так, что каждое письмо зачитывал в дежурке вслух. Умных разговоров Костя не любил. Стоило беседе свернуть куда-нибудь в сторону жизни, смерти или смысла, он морщился, будто от кислого, и переводил на футбол или на рыбу. Андрей рядом с ним был как тень рядом с костром: Костя заполнял собой любую тишину, а Андрей в этой тишине жил.

— Главный-то, — начал он. — Слыхал? Опять проверку затеял. Говорит, в ноябре приедут из области.

— Слыхал.

— Чтоб его.

— Чтоб его, — согласился Андрей.

Помолчали.

— Холодина, — сказал Костя.

— Холодина. В прошлом году в это время теплее было.

— Теплее. — Костя кивнул. — А цены видел? Наташка вчера в «Магните» была. Масло — триста с лишним. Сливочное.

— Видел.

— Куда катимся.

— И не говори — сказал Андрей.

Они говорили это каждую пятницу. Если бы кто-то записал их разговоры за последние десять лет и положил записи рядом, то, наверное, удивился бы: менялись только фамилии начальников и цифры на ценниках. Остальное — слово в слово, с одинаковыми паузами, с одинаковым «чтоб его». Как будто где-то лежал текст, и они его читали по ролям.

Но никто их не записывал. И сами они этого не замечали. Им было хорошо — в той мере, в какой вообще может быть хорошо двум мужикам за сорок в пятницу вечером в пивнаре с якорем над дверью.

Ко второй кружке Лёша сделал погромче телевизор — там начинался футбол. Потом подошёл к их столу, протирая стакан.

— Мужики, а вы знаете, что нам сегодня год?

— Кому — вам? — не понял Костя.

— Заведению. Год, как после ремонта открылись. Помните, крыша текла, мы три месяца стояли закрытые? Ну вот. Ровно год. Сегодня всем по рюмке за счёт заведения.

Он ушёл за стойку. Костя посмотрел ему вслед.

— Год? — сказал он. — Какой год. Месяца четыре, не больше.

— Год, — сказал Андрей. — Прошлой осенью открылись. Мы ещё на открытии были.

— Были?

— Были. Он нам тогда тоже наливал.

Костя нахмурился. Взял кружку, подержал, поставил обратно, не отпив.

— Слушай, — сказал он медленно. — А ведь правда. Год. А я…

Он замолчал. Андрей ждал.

— Я вот сейчас сижу и думаю, — сказал Костя. — Что я за этот год делал-то? Ну, работа. Ну, дача. Ну, Наташка, пацан из армии писал. Новый год у тёщи. А ещё что? Хоть убей. Как будто вчера крыша текла, а сегодня уже год. Пролетел — и вспомнить нечего.

— Это возраст, — сказал Андрей, потому что так полагалось говорить.

— Возраст, — неуверенно согласился Костя. — Мне батя говорил: после тридцати года как вагоны на перегоне — только мелькают. Я думал, он прибедняется.

Он потёр левое предплечье. Там, под закатанным рукавом, белел старый шрам — длинный, неровный, у локтя сантиметров пять. Андрей видел его сотню раз и никогда не спрашивал.

— Вот, — сказал Костя, заметив его взгляд. — Тоже. Откуда, хоть убей, не помню. Наташка говорит, я лет пять назад пришёл с ним — уже зашитым. Сказал, на даче об стекло. А я дачу ту помню, и стекло там нигде не билось. Вот так живёшь, живёшь…

Он махнул рукой и отпил наконец пива.

— А ты? — спросил он. — У тебя-то что за год было?

Андрей открыл рот, чтобы ответить. И закрыл.

Он стал думать. Год. С прошлого октября до этого. Что было?

Работа была. Обходы, журналы, ремонты по графику. В феврале меняли выключатель на вводе — это он помнил, потому что был мороз и они с ребятами провозились до ночи. Весной… Весной что-то было. Он не мог ухватить, что. Летом отпуск — две недели, которые он, кажется, просидел дома. Или не дома? Он попробовал вспомнить хоть один день из отпуска, хоть одно утро, хоть что ел, — и ничего не нашёл. Только смутное ощущение тепла, света из окна, телевизор. Куда бы ни тянулась мысль, она упиралась в вечер, диван, мелькание каналов. Как будто весь год был одним длинным вечером с пультом в руке.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Тоже ничего, наверное.

— Вот и я говорю.

Костя повернулся к телевизору. Там кто-то забил гол, и в «Причале» закричали. Костя тоже закричал — радостно, с облегчением, как человек, которого выпустили из тесной комнаты. Через минуту он уже спорил с соседним столом про пенальти, и разговор про год остался позади, как остаётся позади станция, мимо которой поезд прошёл без остановки.

Лёша принёс обещанные рюмки. Выпили за заведение.

Андрей пил и смотрел в окно, на тёмную воду.

Расходились около одиннадцати. У дверей Костя хлопнул его по плечу:

— Ладно. Не грузись. В следующую пятницу как обычно.

— Как обычно.

Костя ушёл направо, к своему дому. Андрей пошёл налево, вдоль набережной.

Было холодно и тихо. Фонари стояли через один, остальные не горели с весны. Вода плескалась о бетон. Андрей шёл медленно, сунув руки в карманы, и думал.

Обычно после пятничного пива он не думал ни о чём. Шёл, слушал, как стучат по асфальту ботинки, приходил домой, включал телевизор, засыпал. А сейчас в голове крутилось одно: *пролетел — и вспомнить нечего*.

Ладно, этот год. А позапрошлый? Он попробовал. Та же работа, те же улицы, здания. Кажется, тогда умерла мать Кости, и они ездили на похороны в район. Это он помнил — серое небо, грязь на кладбище, Костя молчит всю дорогу. А кроме этого?

А три года назад? Пять? Десять?

Он перебирал годы, как перебирают в темноте ключи на связке, пытаясь на ощупь найти нужный. И ключей было мало. Подозрительно мало для человека, который прожил сорок пять лет. Он нащупывал какие-то отдельные вещи — похороны, ремонт, новый начальник, — но между ними не было ничего. Ни лиц, ни разговоров, ни запахов. Ровная серая гладь, как озеро в безветрие.

И снова, как тогда, перед телевизором, мысль упёрлась в стену. Гладкую, холодную. И отскочила.

Андрей остановился. Он стоял у лодочной станции, у перевёрнутых лодок. За ними светилось красное — коптильня Семёныча. Пахло ольховым дымом.

Семёныч сидел на своём ящике, в ватнике и шапке, и курил. Он поднял голову.

— Здорово, — сказал он.

Андрей замер. За двадцать лет Семёныч не сказал ему ни слова. Кивал — да. Но не говорил.

— Здрово, — ответил Андрей слегка заплетающимся языком.

Семёныч смотрел на него внимательно, прищурившись, словно что-то прикидывал. Потом выпустил дым и отвернулся к воде.

— Ну иди, иди, — сказал он. — Поздно уже.

Андрей пошёл. Запах дыма шёл за ним до самого дома, и от этого запаха внутри что-то тихо, тонко ныло — как зуб, который болит не сейчас, а когда-то.

Телевизор он в ту ночь не включил. Лёг в темноте и долго смотрел в потолок.

Пролетел — и вспомнить нечего.

Костя сказал это и забыл через минуту, переключившись на футбол. А Андрей не мог переключиться. Мысль сидела в нём, как заноза. Маленькая, почти незаметная. Но стоило шевельнуться — и она давала о себе знать.

Около трёх ночи он встал, пошёл на кухню, налил воды в синюю кружку и выпил её у окна. Озеро было чёрное. Над ним стояли звёзды, и одна, низкая, отражалась в воде дрожащей дорожкой.

Андрей смотрел на неё и почему-то не мог отвести глаз.

Он не знал, сколько так простоял. Но когда вернулся в постель, у него было странное чувство, будто он только что стоял на этом месте не один.

Интерлюдия II. Мыс

Четырнадцатое мая.

В три сорок Андрей спал, повернувшись к стене, и ему ничего не снилось. А в три сорок одну он уже сидел на кровати, и ноги его стояли на полу, и в голове была одна мысль, твёрдая и прозрачная, как стекло:

На мыс. К рассвету. Успеть.

Не «хорошо бы» и не «может, съездить». Просто — так будет. Так уже есть.

Тело оделось быстро, в темноте, не включая света, и почему-то безошибочно: свитер, старая куртка, ботинки с толстой подошвой, которые Андрей надевал раз в год, на кладбище. Взяло с тумбочки телефон. Постояло у двери, словно прислушиваясь к чему-то. И вышло.

До мыса было полтора часа по камням. Андрей не ходил туда лет десять: зачем, если мыс и так виден из окна.

Тело шло так, будто ходило туда каждый день. Сначала вдоль набережной, мимо тёмных лодок, потом по грунтовке за последними домами, потом через сосняк, где под ногами пружинила хвоя. Потом начались камни — большие, серые, мокрые от росы. Тело перепрыгивало с одного на другой, не глядя под ноги, и ни разу не оступилось. Андрей бы оступился на третьем.

Тот, кто вёл тело, спешил. Не суетливо — радостно. Так спешат на поезд, который увезёт домой. Небо на востоке уже серело, и он то и дело поднимал голову, проверяя: успеваю? Успеваю.

На самом конце мыса лежал большой плоский валун, нависший над водой. Тело забралось на него, село, обхватило колени руками.

И стало смотреть.

Там, откуда он пришёл, не было дали.

Нет, не так. Расстояния там были, и огромные. Но не было того, что здесь называют горизонтом: черты, за которую нельзя заглянуть. Там всё было видно сразу и целиком. Любую точку можно было рассмотреть так же ясно, как ближнюю. Не было ничего, что *скрывалось бы за краем*. И поэтому не было этого чувства — когда смотришь туда, где кончается вода и начинается небо, и знаешь, что дальше есть ещё, но тебе туда не заглянуть, и от этого внутри что-то тянется, тянется, как струна.

Он слыхал об этом чувстве, многие рассказывали в красках. У здешних людей было для него сотня слов: тоска, простор, даль, зов, светлая грусть. Он их все знал и ни одного не понимал.

А теперь — понимал.

Вода сначала была серая, как олово. Потом у самого края, на черте, появилась тонкая розовая полоска, и вода под ней тоже порозовела, будто кто-то провёл кистью. Полоска росла. Розовое стало золотым, золотое — белым, и вдруг, сразу, из-за черты показался край солнца, и по воде к валуну побежала дорожка — живая, дрожащая, прямо к нему.

Тело заплакало.

Оно не всхлипывало, не закрывало лица. Просто сидело, и слёзы текли по щекам, капали на куртку, а тело не вытирало их, потому что тогда пришлось бы отвести глаза.

Вот. Вот она — даль. Вот что они чувствуют, что видят каждый день и даже не замечают.

Потом он вспомнил про телефон, достал его, неловко, мокрыми пальцами, нашёл камеру и сделал снимок. Посмотрел на экран. Там была картинка — плоская, маленькая, красивая. Не то.

Он сделал ещё. И ещё. Солнце поднималось, вода менялась от розовой к серебряной, и он снимал каждую минуту, как будто надеялся, что в каком-нибудь кадре это поместится целиком. Тридцать снимков, тридцать один.

Не помещалось.

Он знал, что так будет. Он знал, что снимки останутся здесь, в этом телефоне, у этого тела, а он уйдёт, и унесёт с собой только то, что внутри. И что тот, кому останутся снимки, даже не поймёт, что на них. Посмотрит, пожмёт плечами — красиво — и пролистает дальше.

И всё равно снимал. Это было похоже на то, как люди здесь оставляют записки в бутылках. Без надежды, что прочтут, — просто чтобы не уйти совсем бесследно.

В пять пятьдесят восемь он сделал последний снимок и опустил телефон.

Солнце поднялось над водой целиком, и стало обычным утренним солнцем. Дорожка на воде рассыпалась на блики. Где-то закричала чайка.

Он посидел ещё немного.

Потом — выход.

Андрей сидел на мокром валуне, на краю мыса, в ботинках для кладбища, и щурился на солнце. Щёки были мокрые и стянутые, как после ветра. Колени затекли. В руке был телефон.

Он не удивился. Удивление — это когда ты понимаешь, что что-то не так. А Андрей не понимал ничего: ни где он, ни зачем, ни как сюда попал. Мысль пыталась за что-то зацепиться — и соскальзывала, как пальцы по мокрому камню.

Тело встало. Медленно, неуклюже, с кряхтением слезло с валуна. На третьем камне Андрей оступился и чуть не упал.

Обратно он шёл два часа.

На работу он опоздал на сорок минут. Первый раз за много лет.

Костя, сдававший смену, посмотрел на него удивлённо:

— Ты чего? Заболел?

— Нет, — сказал Андрей.

— Глаза красные.

— Ветер.

Костя пожал плечами и ушёл. Андрей сел за стол, открыл журнал и долго смотрел в одну строчку, не читая.

Внутри было пусто и светло, как в комнате, откуда только что вынесли мебель. И грустно — непонятно о чём. Словно он что-то потерял, но не помнил, что это было, и даже не был уверен, что оно у него вообще было.

К обеду грусть прошла.

К вечеру он уже думал, что утром просто проспал.

А тридцать один снимок рассвета так и остался в телефоне — записка в бутылке, которую некому было прочесть.

Глава 3. Таблица

В субботу Андрей проснулся поздно, в девять, с тяжёлой головой и с той же занозой внутри.

Он выпил кофе у окна. Озеро было ясное, синее, в мелкой ряби. Над водой кружили чайки. Обычная суббота: можно было бы сходить в магазин, потом включить телевизор и просидеть так до вечера. Он даже взял пульт. Подержал. И положил обратно.

Вместо этого он достал из ящика стола старую общую тетрадь в клетку — такие он покупал пачками для рабочих заметок — и линейку.

Андрей был инженер. Когда у инженера что-то не сходится, он не гадает. Он чертит таблицу.

Он расчертил разворот на колонки. Подумал. Подписал сверху аккуратным чертёжным почерком:

Год. Возраст. Где жил. Работа. События. Люди. Что помню сам.

Последнюю колонку он добавил, немного помедлив. Он не смог бы объяснить, чем «События» отличаются от «Что помню сам». Но чувствовал, что отличаются.

Начал с этого года и пошёл вниз, назад.

2026. Сорок пять лет. Квартира на Озёрной. Подстанция механического завода, инженер. События — он подумал — замена выключателя в феврале. Люди — Костя, Галина Петровна, Лёша из «Причала». Что помню сам — мороз, искры от болгарки, Костя ругается.

Одна строчка. На целый год.

2025. Сорок четыре. Та же квартира, та же работа. События — похороны Костиной матери. Он записал. Потом зачеркнул: похороны были, кажется, в двадцать четвёртом. Или в двадцать третьем? Он не был уверен.

Он пошёл дальше, всё медленнее. Колонки «Где жил» и «Работа» заполнялись легко — там всё было одно и то же, можно было просто ставить кавычки. А вот «События» пустели с каждой строчкой. А «Что помню сам» пустела ещё быстрее.

К 2015 году Андрей отложил ручку и посмотрел на разворот.

Таблица была похожа на однолинейную схему подстанции, в которой забыли нарисовать половину оборудования: шины есть, а отходящих линий нет. Ровные столбики кавычек — и пустота. Десять лет жизни умещались в восемь строчек, и в половине из них стояли вопросительные знаки.

Тогда он решил зайти с другой стороны. Если память не работает, работают документы.

В шкафу, на верхней полке, стояла картонная папка-скоросшиватель с надписью маминым почерком «Андрюша. Документы». Он снял её, сдул пыль и сел на пол.

Свидетельство о рождении. Аттестат. Диплом института — красный, с отличием. Это он помнил смутно: да, кажется, учился хорошо. Трудовая книжка: механический завод, механический завод, механический завод — двадцать лет одна запись.

А дальше начались вещи, которых он не помнил.

Сертификат, плотная глянцевая бумага с синим орнаментом. *Настоящим подтверждается, что Андрей Павлович Ветров успешно завершил курс английского языка и сдал экзамен на уровень B2 (Upper-Intermediate).* Город областной. 2016 год. Печать, подпись.

Андрей перечитал дважды. Он не знал английского. Совсем. В школе у них был немецкий, а в институте — тоже немецкий, на тройку. Он с трудом читал надписи на импортном оборудовании и каждый раз лез в словарь.

Он положил сертификат на пол, рядом с собой. Взял следующий лист.

Свидетельство на рационализаторское предложение. Механический завод, 2019 год. «Схема ускоренного автоматического ввода резерва с адаптивной логикой выбора приоритетного источника». Автор — Ветров А. П. К свидетельству была подколота пожелтевшая копия схемы на четырёх листах.

Андрей развернул её на полу и долго смотрел.

Это была его специальность. Он знал каждое обозначение, каждую букву на этих листах. Он мог прочитать любую цепь по отдельности. Но целиком схема не складывалась у него в

голове. Она была сделана не так, как сделал бы он. Она была сделана *лучше* — изящно, экономно, с какими-то обходными решениями, до которых он бы не додумался и за десять лет. Как будто смотришь на собственный почерк и видишь в нём стихи, которых никогда не писал.

Внизу последнего листа стояла подпись. Его подпись. Только чуть увереннее, с размашистым хвостом на «в», какого он никогда не делал.

А в углу на полях, карандашом, мелко было приписано: *«Красиво. Жаль, не запомнит»*.

Андрей перечитал эту приписку раз пять. Почерк был его.

Потом он нашёл ещё два документа. Их он нашёл бы и не глядя, потому что знал, что они там. Но никогда в них не вчитывался.

Свидетельство о заключении брака. Ветров Андрей Павлович и Соколова Елена Викторовна. 2004 год.

Свидетельство о рождении дочери. Ветрова Анна Андреевна. 2005 год.

Свидетельство о расторжении брака. 2012 год.

Лена. Он помнил её лицо — светлые волосы, ямочка на левой щеке. Помнил, как она уходила: стояла в прихожей с сумкой, а Аня, семилетняя, держала её за руку и смотрела на него. Помнил, что Лена сказала тогда что-то вроде «ты стал другим». Или «ты стал никаким»? Он не помнил точно.

А как они познакомились? Где? Как он сделал предложение? Свадьба — какая была свадьба?

Почти ничего, короткие картины былого, как вспышки молнии тёмной ночью, в остальном гладкая, холодная стена.

Он знал, что любил её. Это было как надпись на табличке: «Любил». Факт. Но за табличкой ничего не было. Ни одного вечера, ни одного разговора, ни одного запаха её волос. Как будто ему рассказали про чужую жизнь, а он кивнул и запомнил главное.

К обеду Андрей сидел на полу среди бумаг уже третий час. Ноги затекли. Солнце переползло с одной стены на другую.

Он взял с полки ещё одну вещь — толстый семейный альбом в бархатной обложке, тоже из родительской квартиры. Подумал: если не помню последних двадцати лет, может, хоть детство помню хорошо. Говорят, старики детство помнят лучше, чем вчерашний день.

Он открыл первую страницу.

Вот он — года три, на трёхколёсном велосипеде во дворе, в смешной панамке. Андрей сразу вспомнил этот день: солнце, жёлтый велосипед, отец стоит у подъезда и смеётся.

Вот он на ёлке в детском саду, в костюме зайчика, с картонными ушами. И это он помнил: ёлка, мишура, воспитательница в синем платье.

Вот у отца на плечах на первомайской демонстрации. С красным флажком. Помнил: высоко, шумно, отец держит за ноги.

Он перелистывал страницы и с облегчением узнавал каждую фотографию. Значит, детство на месте. Значит, всё в порядке.

А потом он остановился.

Потому что заметил одну вещь. Сначала смутно, потом всё яснее.

Он вспомнил день с велосипедом — и в этом воспоминании видел себя. Свою панамку, свои ноги на педалях, своё лицо. С того места, где стоял фотограф. Чуть сверху, чуть сбоку.

Но ведь так не бывает. Когда помнишь что-то сам, ты помнишь это своими глазами. Ты видишь руль велосипеда, свои руки на руле, двор впереди. Ты не видишь своего лица.

Он проверил ёлку. То же самое. Он видел зайчика с картонными ушами — снаружи, от дверей, оттуда, откуда снимали. А что видел сам зайчик — ёлку снизу? лица взрослых? — этого не было.

Он проверил демонстрацию. Отцовские плечи, флажок. Снаружи. Из толпы.

Андрей медленно закрыл альбом и попробовал вспомнить из детства что-нибудь, чего нет на фотографиях. Что угодно. Детский сад без ёлки. Двор без велосипеда. Лицо соседского мальчишки, вкус маминых пирожков, ссадину на коленке, свою первую игрушку.

Ничего не было. Ничего, кроме этих картинок, сделанных чужим аппаратом.

Как будто кто-то выдал ему вместо детства альбом. Несколько точек, чтобы было за что зацепиться. Чтобы, если спросят, было что ответить.

Чем-то это было похоже на реперные точки в геодезии — колышки, вбитые в землю, по которым потом выставляют всю остальную разметку. Колышки есть. А земли между ними нет.

Вечером Андрей сидел за кухонным столом над тетрадью. Таблица была закончена. Он посчитал строчки в колонке «Что помню сам».

Сорок одна. За сорок пять лет.

Он долго сидел, не включая свет. Озеро за окном темнело, синее становилось серым, потом чёрным.

Думать о том, что всё это значит, было страшно. И он не думал. Он думал о простом, о том, о чём умел думать: о неисправности. Если у системы пропадают данные — значит, неисправность. Если есть неисправность, значит, надо звать специалиста.

Но какого? Невролога? Он представил себе районную поликлинику: очередь, усталая врачиха, «а что вас беспокоит?» — «у меня пропало двадцать лет» — и направление на МРТ через три месяца.

Он полез в карман куртки за сигаретами, хотя бросил курить пять лет назад и сигарет там быть не могло. Сигарет и не было. Но пальцы нащупали бумажник, и Андрей зачем-то его открыл.

Между двумя сторублёвками лежала визитная карточка. Белая, плотная, без всяких украшений.

Марк Ильич Гордон. Психолог. Работа с памятью. Ул. Береговая, 7, второй этаж.

И телефон.

Андрей не помнил, откуда она у него. Не помнил, кто её дал, когда, зачем. Никогда в жизни он не ходил к психологам и не собирался.

На обороте карандашом, тем же мелким почерком, что и на полях схемы, — его почерком — было написано одно слово:

«Пора?».

Интерлюдия III. Сон

В воскресенье Андрей собирался позвонить по номеру с визитки. Он решил это ещё с вечера: в воскресенье, часов в одиннадцать, когда будет прилично. Лёг около полуночи, поставил будильник на девять.

В восемь пятьдесят девять, за минуту до звонка, рука сама вытянулась из-под одеяла и выключила будильник.

А потом вернулась обратно, в тепло.

Тот, кто пришёл в это утро, пришёл за одним: за тяжестью.

Там, откуда он был, не уставали. Никогда. Там не было ни тела, которое просит покоя, ни ночи, которая его даёт. Он знал про сон всё — циклы, фазы, медленные волны мозга. Но знать про сон и спать — это как знать про воду и плыть.

И вот он лежал.

Одеяло было тяжёлое и тёплое. Подушка под щекой — мягкая и чуть-чуть влажная от дыхания. Ноги, руки, всё тело налилось чем-то густым, медленным, как мёд, и каждая мышца понемногу отпускала то, что держала. Он чувствовал, как тело делается всё тяжелее, будто тонет в кровати, — и это было лучшее, что он испытывал за очень долгое время.

Как они могут это не любить. Как они могут каждое утро вскакивать от звона.

Он задремал. Ему что-то приснилось — обрывками, не связанными между собой: синяя вода, лодка, чья-то рука, протягивающая хлеб. Сны были чужие, здешние, сделанные из того, что тело видело когда-то, — и он смотрел их, как смотрят чужие фотографии, с нежностью и любопытством.

Проснулся. Перевернулся на другой бок, медленно, с наслаждением, слушая, как скрипит кровать. Подтянул одеяло к подбородку. Улыбнулся в подушку.

И снова уснул.

В одиннадцать в прихожей зазвонил телефон. Тот, кто спал, слышал его сквозь сон — далёкий, ненастоящий, как звонок в соседней квартире. Он не пошевелился.

В двенадцать телефон зазвонил снова. Потом ещё. Потом пришло сообщение — тихое «блям».

За окном прошёл дождь, мелкий и ровный, и он лежал и слушал, как капли стучат по карнизу. Так стучат пальцы по столу, когда кто-то задумался.

Потом дождь кончился, и в окно вылезло бледное солнце, и пятно света медленно поползло по одеялу. Он лежал и чувствовал, как оно греет колено. Потом бедро. Потом ушло на пол.

Он спал и просыпался, просыпался и спал. Ему некуда было спешить. Впервые за всё время, сколько он себя помнил, ему было *некуда спешить*.

В четыре часа дня выход случился так тихо, что его можно было не заметить. Просто тело перестало быть мёдом и стало просто телом. Тёплым, немного затёкшим, с отлёжанной рукой.

Андрей открыл глаза и посмотрел на часы. Четыре ноль семь.

Он сел на кровати. За окном садилось солнце, красное, над мысом.

«Ничего себе, — подумал он. — Отоспался».

Он чувствовал себя странно. Выспавшимся — да, и при этом каким-то пустым и мягким внутри, как подушка, из которой вытрясли перья. И немного грустным, непонятно отчего. Как будто проводил кого-то на поезд.

В прихожей лежал телефон. Девять пропущенных от Кости и одно сообщение:

«Ты живой там??? Наташка пирог испекла, приходи. Не придёшь — обижусь».

Андрей перезвонил, извинился, сказал, что проспал.

— До четырёх?! — заорал Костя так, что пришлось отодвинуть трубку от уха. — Ну ты даёшь, Палыч. Я уж думал, тебя инсульт хватил. Ладно. Пирог тебе оставим.

Андрей положил трубку. Посмотрел на визитку, которая лежала на тумбочке под телефоном. *«Пора?»*.

Звонить психологу в воскресенье вечером было уже неприлично.

Он решил: завтра, с работы, в обед.

Глава 4. Первый приём

В понедельник, в обеденный перерыв, Андрей вышел во двор подстанции, встал за трансформатором, чтобы никто не видел, и набрал номер с визитки.

Гудки шли долго. Он уже хотел сбросить, с каким-то даже облегчением, когда в трубке щёлкнуло и спокойный мужской голос сказал:

— Слушаю.

— Здравствуйте, — Андрей откашлялся. — Я… у меня ваша визитка. Мне бы на приём. Я по поводу… — он запнулся, не зная, как это назвать. — По поводу памяти.

В трубке помолчали. Ровно столько, чтобы Андрей успел почувствовать себя дураком.

— Сегодня в шесть сможете? — спросил голос.

Ни имени, ни подробностей, ни «а что именно вас беспокоит». Просто: в шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.